

УДК 811.111'42(045)

*Е.А. Широких***ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

В статье рассматриваются прецедентные феномены, используемые в юмористическом дискурсе, на примере произведений английской литературы, предпринимается попытка их систематизации в соответствии с предлагаемыми в статье критериями (выделяются прецедентные имена и прецедентные высказывания). Рассматриваются различные интерпретации категории комического, выделяются основные характеристики юмористического дискурса, в том числе особое смеховое отношение к действительности. Понимание юмора зависит от двух сложных факторов: ситуации общения и участников общения. В условиях межкультурной коммуникации важным представляется проблема распознавания интертекстуальных вкраплений в тексте. Прецедентный феномен подразумевает инвариант его восприятия, который делает все апелляции к нему понятными и коннотативно окрашенными. Прецедентные феномены должны быть известны как отправителю, так и получателю сообщения.

Ключевые слова: прецедентный феномен, дискурс, юмористический дискурс, категория комического, прецедентное имя, прецедентное высказывание, интертекстуальность, межкультурная коммуникация.

В настоящее время различные виды дискурса, а также явление прецедентности активно изучаются как в области лингвистики, так и на междисциплинарном уровне. Прецедентные феномены находят отражение в различных сферах человеческой жизни и деятельности, в том числе в литературе. Актуальность настоящего исследования заключается в особой значимости проблемы понимания текста на современном этапе развития лингвистики и филологии, в изучении специфики литературы, которая играет существенную роль в формировании современной картины мира.

В данном исследовании мы предпринимаем попытку систематизировать прецедентные феномены, используемые в английском юмористическом дискурсе.

Термин «дискурс» насчитывает более десяти различных, порой противоречащих друг другу дефиниций. Этот термин является одним из самых сложных, поскольку он обозначает высшую реальность языка дискурсивную деятельность [1. С. 9]. Мы придерживаемся определения дискурса, данного Н.Д. Арутюновой [2. С. 136]. Кроме того, такие экстралингвистические факторы, как пресуппозиции автора, эмоции, психическое состояние, оценки, отношения и т. д. позволяют говорить о так называемой метаструктуре дискурса (Кашкин 2005). Социолингвистический подход предполагает изучение дискурса с позиций участников общения (Halliday 1978; Винокур 1993). Соответственно, все виды дискурса распадаются на личностноориентированные и статусно-ориентированные [3. С. 35]. С позиций прагмалингвистического подхода можно выделить серьезный – несерьезный (юмористический) дискурс, информативный – фасцинативный; фатический – нефатический; прямой – непрямой; дискурс ритуальный – неритуальный и др.

Эстетическая категория «комического» выделялась уже в трудах древнегреческих и древнеримских философов, ученых (Аристотель, Платон, Цицерон и др.). Что касается определений комического в современном литературоведении, то сложился довольно широкий смысловой диапазон трактовок данного теоретико-литературного понятия. Так, в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» дается обобщенное определение комического как «вызывающего смех» [4. С. 384].

Использование комического в человеческой коммуникации является неотъемлемой её частью. Комическое позволяет человеческому сознанию выйти за рамки строго линейного мышления, увидеть противоречие в рассматриваемом «отстранённом» объекте, увидеть его связи с другими объектами, что повышает многомерность отражения действительности и увеличивает потенциал человеческого интеллекта [5]. Комическое охватывает многие стороны человеческой жизни. С одной стороны, это – явление общечеловеческое, что подтверждает наличие комических универсалий, к которым можно отнести тематику, жанры комического дискурса. С другой, комическое – явление социо- и этноспецифическое, что подтверждается рядом прагматических факторов.

Несмотря на то, что комическое привлекало внимание учёных с древнейших времен, до недавнего времени вопрос о сущности комического, так же как и о причинах возникновения комического эффекта, затрагивался в основном в рамках эстетики и стилистики.

Характерно, что в последнее время возросло количество работ, посвящённых проблемам комического (Панина 1996; Желтухина 2000; Кулинич 2000; Коновалова 2001; Палкевич 2001; Радина

2002; Чаплыгина 2002; Латышев 2003; Плотникова 2003; Карасик 2004; Слышкин 2004). Многие из них затрагивают собственно лингвистический аспект изучения комического, другие – социологический и национально-культурный аспекты.

В лингвистических исследованиях, в частности, в рамках структурно-семантического направления, представленного в работах Н.Д. Арутюновой и И.Р. Гальперина, комическое чаще всего рассматривается либо в рамках значения отдельной лексической единицы, либо в рамках структуры отдельно взятого предложения при опоре на объективные словарные единицы.

Исследования прагматического направления (Дж. Сёрль, П. Грайс, ван Дейк, М. Хэллидей) позволяют рассмотреть новый уровень интерпретации комического – уровень высказывания в непосредственной соотнесённости с ситуацией.

В свою очередь когнитивный подход, разработанный Н. Хомским, Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянковым и многими другими, основанный на тезисе о параллелизме языковых и мыслительных процессов, благодаря чему языковые структуры способны отражать не структуру окружающего мира, а структуру когнитивного существования человека, предлагает ещё более широкую перспективу интерпретации комического высказывания – на уровне дискурса в совокупности с его прагматическими, социокультурными и психологическими характеристиками.

Возникновение комического эффекта становится возможным в результате столкновения в одной пропозиции двух знаний о возможном положении дел в мире. Каждое знание рассматривается как возможный по отношению к окружающему мир. Возникновение комического эффекта обусловлено невозможностью одновременного нахождения противоречивых возможных миров в одной плоскости коммуникативного пространства. Таким образом, большинство исследователей категории «комического» определяют его основную черту как противоречие, несоответствие, несообразность. Отмеченное противоречие приводит к возникновению специфической конфликтной ситуации, которая может быть разрешена лишь с помощью особой человеческой реакции – смеха [5].

Обращаясь к смеховому типу общения, к юмористическому дискурсу, исследователи сталкиваются с обилием терминов, отражающих разные стороны воплощения феномена комического. Смех, остроумие, ирония, шутка, юмор, сатира и т.д. – понятия, имеющие прямое отношение к смеховой ситуации и смеховым произведениям как части карнавальной культуры, воплощению карнавального сознания (Бахтин 1986). Комическое является наиболее широким понятием, это особая эстетическая категория, обладающая социальной значимостью. В.Я. Пропп относит к сфере комического все, что вызывает смех или улыбку [6. С. 98]. А. Бергсон рассматривает комическое как игру со смыслом; к комическому можно отнести все, что может быть обыграно и осмеяно, если не вступят в дело запреты и нормы, регулирующие наши реакции и эмоции [7. С. 83]. Смех – наиболее распространенный сигнал комического и видимый его результат.

Комическое не всегда вызывает смех, и, наоборот, смех – не всегда признак комического. С одной стороны, смех и улыбка – физиологическая реакция на удовлетворение стремления; с другой стороны, смех играет и социальную роль, является одним из средств социального общения. Именно эта последняя функция смеха и связана с комическим. Не всякое смешное комично. Способность реагировать на комическое проявляется в наличие и способности продемонстрировать чувство юмора [8. С. 90].

В.И. Карасик считает, что юмор есть способность воспринимать смешные стороны жизни, фундаментальная характеристика человека [9]. По мнению М.А. Кулинич, юмор – это особый способ осмысления отдельных фрагментов действительности, уникальный показатель зрелости людей [10]. Юмор трактуется в целом как способ осмысления и отражения бытия, характеризующийся положительным отношением к отдельным фрагментам действительности, вызывающим улыбку. В отличие от юмора, сатира имеет характер разоблачения и всегда стремится принизить и без того отрицательное явление, показать его в нелепом, уродливом виде. Суть же иронии состоит в том, что о должном говорится как о существующем в действительности. Юмор описывает существующее как должное [7].

Юмористический дискурс, по мнению Й. Хейзинга, есть игра как на когнитивном, так и на языковом уровне. Этот тип дискурса можно определить как целостную форму речи, характеризующуюся несерьезной тональностью общения, игровым переосмыслением актуальных концептов и стереотипов и преследующую развлекательную цель. В целом, назначение юмористического дискурса – игра средствами языка, нормами и стереотипами, предполагающая не только развлечение и смех, но и освобождение человека от природного и социального детерминизма [11].

В.И. Карасик определяет юмористический дискурс как «текст, погруженный в ситуацию смехового общения». К основным признакам юмористического дискурса относятся: 1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора; 2) юмористическая тональность общения, то есть стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты; 3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре. Кроме того, одной из основных характеристик юмористического дискурса является способность вызывать смех [3. С. 363].

Юмористический дискурс предполагает сокращение дистанции между участниками коммуникации, характеризуется несерьезной тональностью общения. Эмоциональная атмосфера юмористической коммуникации предполагает дружелюбное отношение участников общения друг к другу, игнорирование в той или иной степени социальных статусов говорящих, игровое переворачивание определенных ценностей, закрепленных в том числе в институциональных дискурсах.

Юмор может быть частью самых разнообразных типов текста. Смеховое отношение к объекту можно обнаружить в газетных статьях, публицистике, даже вполне серьезные произведения могут включать в себя отрывки, написанные в юмористическом ключе.

Материалом исследования послужили работы П. Дж. Вудхауза (P.G. Wodehouse) «The man with two left feet», «Hot water», «Heavy weather», «Piccadilly Jim», «Summer moonshine», «Jeeves and the feudal spirit», «Mulliner nights», «Sam the Sudden».

П. Г. Вудхауз – популярный английский писатель, драматург, комедиограф, автор 15 пьес и около 30 музыкальных комедий, автор текстов популярных песен. Произведения Вудхауза, прежде всего, написанные в юмористическом жанре пользовались неизменным успехом; высокие оценки его творчеству давали многие известные авторы, в том числе Редьярд Киплинг и Джордж Оруэлл. Наиболее известен цикл романов Вудхауза о молодом британском аристократе Берти Вустере и его находчивом камердинере Дживсе. Как правило, персонажи Вудхауза добродушны, но, попадая в трудную ситуацию, лишь ухудшают свое положение любой попыткой её улучшить. Причем в первую очередь аристократы у Вудхауза выглядят и ведут себя наиболее странно: именно их чудаковатые выходы усложняют сюжет повествования. Значительную роль в сюжетах Вудхауза играют родственники, особенно тетюшки: как правило, мешают героям устроить личную жизнь и вообще делают все, чтобы испортить им настроение. Друзья также редко приходят на помощь главным героям: их главная функция состоит в том, чтобы вызывать всевозможные осложнения. Часто в произведениях Вудхауза главный герой ставит себя в затруднительное положение как раз затем, чтобы выручить друга. Полисмены и другие представители власти как правило предстают перед читателем персонажами неприятными, но недалекими – их легко обвести вокруг пальца, иногда всего лишь представившись не своим именем. А вот слуг (в лучших традициях римской комедии) Вудхауз наделяет почти сверхъестественными интеллектуальными способностями. В большинстве случаев они как минимум намного умнее своих хозяев, идеальным примером чему служит Дживс.

Рассматривая прецедентные феномены, встретившиеся нам в указанных выше произведениях, мы вслед за Ю.Н. Карауловым и В.В. Красных придерживались следующего понимания термина «прецедентный феномен»: феномены, «1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»), 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [12. С. 216; 13. С. 170]. По мнению указанных авторов, за прецедентным феноменом всегда стоит некое общее и обязательное представление о нем или инвариант его восприятия, который делает все апелляции к прецедентному феномену понятными и коннотативно окрашенными.

Несколько видоизменив классификацию вербальных прецедентных феноменов В. В. Красных, мы выделили следующие их группы:

- имена, то есть сравнения с известными художественными персонажами, историческими деятелями, ссылки на название произведения другого писателя и т.д.;
- словосочетания, высказывания, которые в свою очередь можно поделить на собственно фразеологические единицы и цитаты [13. С. 47].

Рассмотрим некоторые примеры использования прецедентных феноменов в англоязычном юмористическом дискурсе. Так, при описании небольшого городка, в котором происходит основное действие романа, писатель использует известное географическое название Мекка. Мекка – центр ежегодного паломничества сотен тысяч мусульман:

*«The town itself was to the left, a straggling huddle of red roofs and white walls in the centre of which, raising a golden dome proudly skywards, stood the building which had made the place the popular resort it was – the Casino Municipal. For St Rocque, once a tiny fishing village, has become in recent years a **Mecca** for those who enjoy watching their money gathered in with rakes by sad-eyed croupiers» («Hot water»).*

В приведенном отрывке данное прецедентное имя выполняет две функции. Во-первых, происходит сравнение и в каком-то смысле уподобление маленького городка Мекке, чтобы читатель мог лучше представить себе место действия романа (переполненный город). Но есть и другая функция: Мекка – место, связанное с религией, для мусульман это священное место, место поклонения; в описании же города ясно, что люди стали приезжать туда из-за казино, то есть употребление названия Мекка здесь также не случайно. За счет снижения возвышенного образа религиозного поклонения до поклонения деньгам и азартным играм достигается комический эффект [14. С. 117].

В следующем примере мы наблюдаем, как писатель ссылается на старейшую универсальную и наиболее полную энциклопедию на английском языке, описывая метод чтения и обучения, используемый главным героем рассказа, который в отличие от остальных «простых людей» методично изучает энциклопедию том за томом, что представляется автором как нечто, достойное одновременно восхищения и ужаса:

*«His idea of a pleasant evening was to get back to his little flat, take off his coat, put on his slippers, light a pipe, and go on from the point where he had left off the night before in his perusal of the BIS-CAL volume of the **Encyclopaedia Britannica** – making notes as he read in a stout notebook. He read the BIS-CAL volume because, after many days, he had finished the A-AND, AND-AUS, and the AUS-BIS. There was something admirable – and yet a little horrible – about Henry's method of study. He went after Learning with the cold and dispassionate relentlessness of a stoat pursuing a rabbit. The ordinary man who is paying instalments on the **Encyclopaedia Britannica** is apt to get over-excited and to skip impatiently to Volume XXVIII (VET-ZYM) to see how it all comes out in the end. Not so Henry. His was not a frivolous mind. He intended to read the Encyclopaedia through, and he was not going to spoil his pleasure by peeping ahead» («The man with two left feet»).*

П.Дж. Вудхауз упоминает имя древнеримского бога Купидона в метафорическом сравнении отношения своего героя к идее брака и женщинам с защищенностью от «устаревшей артиллерии» этого бога, что также создает комический эффект всего описания:

*«Such, then, was Henry Wallace Mills. He was in the middle thirties, temperate, studious, a moderate smoker, and – one would have said – a bachelor of the bachelors, armour-plated against **Cupid's** well-meant but obsolete artillery. Sometimes Sidney Mercer's successor in the teller's cage, a sentimental young man, would broach the topic of Woman and Marriage» («The man with two left feet»).*

Приведем примеры использования прецедентных выражений – фразеологических единиц:

*«“Sure, Bill,” she had said. She was a breezy old lady with a military moustache and an unconventional manner with her clientele. “You come to me an hour a day, and, if you **haven't two left feet**, we'll make you the pet of society in a month”» («The man with two left feet»).*

Фразеологическое выражение «to have two left feet» (быть неловким, неуклюжим, особенно в танцах) используется в тексте не один раз (в т.ч. и в названии самого рассказа) и подчеркивает сначала важность этой проблемы – неумения героя танцевать (неудачи заставляют его мысленно сравнивать себя с калекой) – как для героя, так и для читателя, а в конце рассказа показывает надуманность данной проблемы.

*«You can't expect a man who has been tied hand and foot in a smelly boathouse for goodness know how many hours to be a little sunbeam right away. Leave him lay for a day or two, and you'll be surprised. You know how it is about **the milk of human kindness**. Something starts a leak and out it goes with a hoosh. But give time and little by little it will flow back till the reservoir is full again» («Hot water»).*

Идиома «the milk of human kindness» (доброта по отношению к другим людям) восходит к «Макбету» У. Шекспира. В своем монологе леди Макбет говорит, что муж ее «чрезмерно полон благостного млека» (в пер. М. Лозинского). В данном же контексте идиома обыгрывается: актуализируется основное значение слова «milk» (молоко) при помощи слов «leak» (протечка), «flow» (течь), «reservoir» (резервуар). Таким образом, достигается комический эффект высказывания [14. С. 120].

Для создания комического эффекта автор также использует цитаты:

*«Of course,” I said, “of course. You may take that as read. You don't find Bertram Wooster hogging the drink supply when a suffering aunt is at his side with her tongue hanging out. Your need is greater than mine, **as whoever-it-was said to the stretcher case**. Ah!» («Jeeves and the Feudal Spirit»).*

В данном примере цитируются слова сэра Филипа Сидни, который был ранен в бою и, согласно легенде, отказался выпить предложенную ему воду, чтобы ее отдали другим раненым солдатам, сказав «*Their need is greater than mine*». Герой Вудхауса не помнит, кому принадлежат цитируемые слова, однако для того чтобы подчеркнуть тот факт, что он пользуется цитатой и «блеснуть эрудицией», комментирует: «*as whoever-it-was said to the stretcher case*».

Герой другого произведения Вудхауса цитирует энциклопедию, которая упоминалась выше, и, несмотря на то, что не помнит статью дословно, поражает девушку своей эрудированностью:

«*The first descriptive ballet seen in London, England,*” said Henry, quietly, “was «*The Tavern Bilk-ers*», which was played at Drury Lane in – in seventeen-something» ... He gave it out with a roll, and the girl's eyes widened. “What an awful lot you know!” («*The man with two left feet*»).

В следующем примере цитируется высказывание сэра Сидни:

«*Dear Bradder: You will doubtless be surprised to learn that I have borrowed your money, I will return it in God's good time. Meanwhile, as Sir Philip Sidney said to the wounded soldier, my need is greater than yours. Trusting this finds you in the pink,*” Yrs. Obedtly, S. Shotter”» («*Sam the Sudden*»).

Семантическое содержание цитаты изменено на противоположное. Трансформация цитаты на семантическом уровне позволяет внести контекст исходного высказывания и его исходную семантику, и одновременно продемонстрировать реальное действие, несовместимое с идеей, содержащейся в цитируемом тексте. Целью этого приема в тексте является издевательство. Смеховое отношение автора выражается в совмещении несовместимого [15].

Таким образом, юмористический дискурс характеризуется особым смеховым отношением к действительности, которое выражается в сочетании в действии или мысли объекта воздействия с полем возможностей, ему принципиально не присущих. Понимание зависит от восприятия этого сочетания и от оценки субъективной позиции, выраженной этим смеховым отношением. Юмор позволяет уменьшить социальную дистанцию, является средством групповой идентификации [15]. Понимание юмора зависит от двух сложных факторов: ситуации общения, участников общения.

В заключение хотелось бы отметить, что в условиях межкультурной коммуникации остро встает вопрос о распознавании в тексте интертекстуальных вкраплений. Прецедентные тексты должны быть известны как отправителю, так и получателю сообщения, и в идеале никаких указаний на интертекстуальное вкрапление содержаться не должно, что вызывает определенные сложности в процессе восприятия и понимания иноязычной литературы и культуры в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты / Серия «Теория и история языкознания» РАН. ИНИОН. М., 2000. С. 5-13.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136-137.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.
5. Вербицкая О.Ю. Опыт лингвистического исследования парадоксального речевого акта в комическом дискурсе: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005.
6. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. 282 с.
7. Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 130 с.
8. Вулис А.З. Метаморфозы комического. М.: Искусство, 1976. 126 с.
9. Карасик В.И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 144-153.
10. Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара: СамГПИУ, 1999. 35 с.
11. Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
12. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
13. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
14. Алешко-Ожевская С.С. Аллюзивность художественных текстов П.Дж. Вудхауса // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 31. С. 115-125.
15. Проскурина А.А. Прецедентные тексты в англоязычном юмористическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М.: РГБ, 2005.

*E.A. Shirokikh***PRECEDENT PHENOMENA IN THE ENGLISH HUMOROUS DISCOURSE**

The article deals with the precedent phenomena used in humorous discourse (giving examples from some humorous novels). It attempts to systematize them according to the criteria suggested in the article (grouping them as precedent names and expressions). Interpretations of the comic category from various standpoints are mentioned as well. The article also considers the main characteristic features of the humorous discourse, in particular, a special attitude to reality through laughing. Understanding of humor depends on two important factors: the situation and the participants of communication. An important question of recognizing intertextual inclusions arises when it comes to intercultural communication. A precedent phenomenon implies an invariant of its perception, which makes every appeal to him clear and connotatively painted. Precedent phenomena should be familiar to both the addresser and the addressee of a message.

Keywords: precedent phenomenon, discourse, humorous discourse, comic category, precedent name, precedent expression, intertextuality, intercultural communication.

Широких Елена Александровна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
грамматики и истории английского языка

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426000, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: elshirokih@gmail.com

Shirokikh E.A.
Candidate of Philology, Associate Professor
at Department of English Grammar and History
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1/2
E-mail: elshirokih@gmail.com